

|                         |                                                                                                           |
|-------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Заглавие статьи         | Мифы и истины в истории русской философии                                                                 |
| Автор(ы)                | С. Н. КОРСАКОВ                                                                                            |
| Источник                | Вопросы философии, № 5, Май 2015, С. 69-85                                                                |
| Рубрика                 | • ДИСКУССИЯ О РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ                                                                           |
| Место издания           | Москва, Российская Федерация                                                                              |
| Объем                   | 67.3 Kbytes                                                                                               |
| Количество слов         | 8635                                                                                                      |
| Постоянный адрес статьи | <a href="https://dlib.eastview.com/browse/doc/44624233">https://dlib.eastview.com/browse/doc/44624233</a> |

## Мифы и истины в истории русской философии

Автор: С. Н. КОРСАКОВ

В статье речь идёт о недостатках и пробелах в области изучения русской философии. В этой связи ставится вопрос о критериях понимания философии. Предлагается альтернативная модель интерпретации развития философии в России. Особое внимание уделено роли советской философии второй половины 1920-х гг. (деборинской школы), разгромленной с победой сталинизма.

In the article we are talking about the shortcomings and gaps in the study of Russian philosophy. In this regard, the question of the criteria of understanding philosophy is raised. An alternative model interpretation of the development of philosophy in Russia is offered. Special attention is paid to the role of the Soviet philosophy of the second half of the 1920s (Deborin's school), smashed with the victory of Stalinism.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** русская философия, советская философия, марксистская философия, деборинская школа, сталинизм.

**KEY WORDS:** Russian philosophy, Soviet philosophy, Marxist philosophy, Deborin's school, Stalinism.

Известно высказывание Гоббса о том, что если бы аксиомы геометрии затрагивали интересы людей, они бы оспаривались [Гоббс 1991, 79]. Путь к истине, особенно в общественных науках, долг и труден. Наряду с обычными препятствиями, возникающими в ходе всякого исследования, здесь приходится зачастую сталкиваться с мифологемами, стереотипами, догмами, а то и целой их системой. Если система догм отвечает идеологическому мейнстриму данного социума, то противостоять ей крайне трудно даже ссылками на факты.

Подобное положение сложилось в нашей стране в одной из философских дисциплин - в истории русской философии. В ней существует система постулатов, усомниться в которых идеологически немыслимо, и это становится главным препятствием при объективном изучении реальных процессов развития философии в России.

О каких постулатах в данном случае идёт речь?

Во-первых, философию в России начинают искать, по меньшей мере, с XI в. При этом совершенно не учитывается, какой смысл вкладывается в понятие "философия"? Если под ней понимать теоретическое знание о всеобщем, как её понимают начиная с Фалеса, то

в России такую философию невозможно будет найти ни в XI, ни в XVIII в. А достаточно поставить вопрос: можно ли говорить о профессиональной философии в стране, где ещё не сложилась наука? - чтобы время возникновения её в России было отнесено только на вторую половину XIX в.

Другой миф состоит в том, что вершиной русской философии является религиозно-идеалистическая философия "Серебряного века", а "чёрным" годом для русской философии стал год высылки политически активных философов - противников большевиков - из России. На расхождение этих оценок с обстоятельствами реальной жизни уже обращал внимание академик А. А. Гусейнов [Гусейнов 2008]. Все высланные из России философы, составлявшие будто бы вершину русской философской мысли, находясь в изгнании, в течение десятилетий публиковали работы и на русском, и на других европейских языках и ни в отдельности, ни вместе взятые никакого влияния на мировую философскую мысль не оказали.

И, наконец, третий столп современной мифологии русской философии - это то, что советская философия, в особенности 1920-х - 1930-х гг., представляет некое "серое пятно", в котором не различимы ни люди, ни события, ни идеи.

В результате обозрения всего пути русской философии возникает впечатление распадающегося целого, а вслед за этим вопрос: а есть ли на данный момент у такой дисциплины, как история русской философии, отрефлексированный предмет исследования, созрела ли она до дисциплинарного уровня, или находится на стадии "собираания фактов"?

Подобную неосновательность положения истории русской философии как дисциплины осознают и лидеры изучения истории философии в России. Например, М. А. Маслин предпочитает говорить об "интегральной" истории русской философии [Маслин 2002, 133], которая представляется "в виде целостной картины, отражающей все главнейшие этапы русской мысли, с начала развития философской мысли в Киевской Руси (XI в.) до философии XX в. включительно". При этом М. А. Маслин констатирует "кризис единства", который "порождён разными определениями самой предметной области русской философии". Для каждой эпохи (XI-XVII вв., XVIII в., XIX в.) обнаруживаются свои критерии генезиса, периодизации, характера обсуждаемых проблем. Единые же критерии для всей "интегрально" понятой "русской философии" не просматриваются.

Шире - истории русской философии требуется определиться в вопросе о том, что считать философией. При желании можно относить к философским текстам идеологическую публицистику, литературоведческие работы, художественные произведения, богословские сочинения. Но философия как профессиональное занятие предполагает развитыми следующие три области исследований: 1) онтологию, теорию познания и логику, 2) историю философии, 3) философию науки (или, по крайней мере, философию естествознания). Если не проводится оригинальных исследований в этих областях - нельзя говорить о развитии философии в стране.

Хотелось бы пунктиром обозначить альтернативное общепринятому видение развития философского процесса в России. Возможно, оно схематично, но успешнее сводит концы с концами, чем "интегральная" история русской философии.

"В Киевской Руси философия не возникла и не могла возникнуть в форме относительно самостоятельной дисциплины, даже в форме служанки богословия, но автономной по отношению к нему" [Пустарнаков 1987, 240]. Русь восприняла византийскую богословскую традицию в форме, для которой характерно враждебное отношение к "злехитрой" (по выражению Кирилла Туровского) "античной философии, к философии и разуму вообще, тенденция к иррационализму, ставшая позднее характерной чертой православия, отвергавшего самостоятельность разума даже в тех мизерных пределах, которые ему были предоставлены в рамках "философизированного богословия" периодов апологетики и патристики, а затем в западной схоластике" [Пустарнаков 1987, 228]. Если термин "философ" использовался древнерусскими авторами в положительном контексте, то он означал либо богослова, либо человека, с божьей помощью ведущего праведный, аскетический образ жизни.

стр. 70

---

Полисемантизм в трактовке философии означает размывание собственно философского содержания. Поэтому, когда говорят о том, что на Руси "недостаточная развитость сугубо профессиональной философии компенсировалась широким распространением философских по сути идей в общем культурном контексте" [Громов 2012, 15], мы имеем дело с преувеличением. Профессиональная философия была не недостаточно развита - она просто отсутствовала.

*Всякая философия представляет собой единство мировоззрения, идеологии с одной стороны, и рационального, научного, понятийного мышления, с другой. Это относится буквально ко всем философам: и к сугубым рационалистам, и к тем, кто, подобно Гераклиту, Бруно или экзистенциалистам, работал с мыслительными образами. Ключевое слово, отличающее здесь философа, "работали". Философ может мыслить в художественных образах, аналогиях, метафорах, но они для него всё равно остаются объектом рациональной интерпретации. В этом отличие философа от "художника".*

Поэтому нет необходимости говорить о каком-то особом "нефилософском", общекультурном, универсальном типе философствования, якобы дополняющем собственно философский. Фигуры, подобные Ф. М. Достоевскому и Л. Н. Толстому, могут приобрести некое философское значение в тех культурах, где философия как таковая ещё не сформировалась, пребывает во младенчестве. Но искусственно длить младенческий период развития национальной мысли не следует.

Философы не растут, как грибы, говорил Маркс. Нужно, чтобы сформировалась соответствующая социокультурная среда. России понадобился "длительный период, растянувшийся между Царством Алексея Михайловича и Империей Петра Великого" [Киселёва 2011, 48].

В первой половине XVIII в. лидерство стало переходить от средневековых по своему происхождению форм образованности - духовных академий - к формам, выросшим на Западе на ренессансной почве: к академиям наук и университетам при них. Однако к текстам XVIII в. нужно проявлять ту же степень осторожности в отношении использования термина "философия", что и применительно к древности и средневековью. Ещё не произошло становление дисциплинарной науки, и эпохе присуще расширительное употребление термина. Философские сюжеты растворены в разнообразной научной литературе точно так же, как они были растворены ранее в литературе религиозной. Поэтому историку философии, стремящемуся вычленив философские идеи как таковые,

приходится "обратить внимание не только на текст, но и на контекст" [Артемьева 1999, 30], хотя он допустит ошибку, если на основании одного лишь употребления термина "философия" сочтёт философскими сочинения Эйлера или Ламарка. Сказанное в полной мере относится и к сочинениям русских академиков XVIII в.

В последней трети XVIII - в начале XIX вв. на русский язык стали переводиться отдельные произведения западных философов. Но оказывали они влияние на русскую культуру в целом, а не на "отдельное" развитие русской философии. В редких случаях западные философы непосредственно работали в России, преподавали в университетах, как, например, И. Г. Шварц. Однако именно в этот период у русской образованной публики сформировался интерес к философским вопросам.

Во второй четверти XIX в. образованные русские люди стали целенаправленно выписывать из-за границы философскую литературу, а отправляясь в зарубежные вояжи, посещали философские курсы в университетах, встречались с ведущими философами: Шлейермахером, Шеллингом. По возвращении в Россию эти интеллектуалы способствовали ознакомлению избранной публики с отдельными новейшими философскими системами и в той или иной степени - освоению этих систем. Что, однако, не означало появления собственной, самостоятельной русской философии. Если бы Чаадаев, Киреевский или Герцен узнали, что их записали в философы, они, думается, отнеслись бы к этому с иронией.

К середине XIX в. в России сложились условия для возникновения профессиональной философии. Мы имеем в виду становление русской науки как социального института и включение русских мыслителей в контекст мировой философской проблематики, совершившееся за протекшие перед тем сто лет. Появились люди, способные катализировать

стр. 71

---

развитие философии в стране: А. И. Галич, М. Г. Павлов. И тут на формировании философии в России сказался такой специфический фактор, как русский деспотизм. Николаем I и его министром Шириным-Шихматовым было принято известное решение о запрете философской (преподавательской и издательской) деятельности в России.

В результате произошла полная инверсия профессиональной природы философии: в стенах университетов и научных обществ философия отсутствовала полностью; вместо нее наиболее востребованной публикой и доступной ей стала литературная и богословская публицистика, в роли профессиональной философии подвизался её антипод - богословие профессоров духовных академий, а образованные люди, готовые к занятиям философией, пришли к своего рода *псевдопроблематике*: "русская идея", Россия и Европа, Россия и Запад, православие и католицизм, Русь Московская и Петровская, еврейский вопрос, особый путь России и тому подобные сюжеты, приправленные религиозными размышлениями, стали доминировать в формирующейся русской философии. В действительности, вся "особость" России состояла в её отсталости и в диктате власти в сфере науки и культуры.

Последующее формирование профессиональной философии шло крайне медленно, сдерживаемое тем самым *наростом* из псевдопроблематики. Отмена царского запрета не могла автоматически привести к появлению адекватной философской среды. Философских кадров не было. Открывшуюся наконец в Московском университете

философскую кафедру четырнадцать лет занимал выходец из духовно-академической среды П. Д. Юркевич.

Ключевой момент в становлении профессиональной философии в России - середина 70-х гг. XIX в., а символ его - развернувшаяся после смерти Юркевича борьба за философскую кафедру историко-филологического факультета Московского университета между М. М. Троицким и В. С. Соловьёвым, признанным сегодня величайшим русским философом. Учёный совет факультета отдал четыре голоса за Троицкого и восемь за Соловьёва, однако на учёном совете университета кандидатуру Троицкого поддержали ведущие профессора других факультетов, стремившиеся приблизить преподавание философии к потребностям развития науки. В результате Совет университета избрал обоих: Троицкого профессором, Соловьёва - доцентом. "Формально Троицкий поражения не потерпел. Но его моральное положение было незавидно: в Московский университет он прошёл голосами не будущих своих товарищей по факультету, но голосами сочувствовавших позитивизму членов других факультетов" [Асмус 1969, 262].

Выбор между Соловьёвым и Троицким стал поистине судьбоносным, определил весь последующий путь развития философии в России. Из этой точки философия в России пошла двумя путями: профессиональная философия, тяготеющая к европейскому стилю и направлениям философии и не выходящая за рамки университетских курсов, и внеуниверситетская философия, которая вскоре монополизировала право называться "русской философией". Настоящие основы профессиональной русской философии были заложены не Вл. Соловьёвым, а М. М. Троицким, профессором, длительное время разрабатывавшим проблемы теории познания, логики и психологии, истории философии, и в целом *университетской философии*. Но, как замечал И. К. Луппол: "Якобы национальной чертой русских является наклонность в сторону этико-религиозных вопросов и мистическое их решение. Отсюда для философии получалась одна линия: от мистики Сковороды до мистики Владимира Соловьёва" [РГАЛИ, 110]. Нет ничего удивительного в том, что занятая псевдопроблематикой русская философия в лице Бердяева, Розанова и др. доминировала в русской духовной жизни.

В. Ф. Пустарнаков подробно проанализировал, какие общие и специальные курсы читались философскими кафедрами всех русских университетов и какая литература рекомендовалась студентам. Полученные им результаты свидетельствуют, "что в начале XX столетия университетская философия в России приняла современный европейский вид. Научная литература стала полинациональной, хотя и с преобладанием немецких авторов. Существенно выросло число имён русских философов, труды которых вошли в предлагаемые списки. Характерно, однако, что в них отсутствуют имена тех русских философов, которых некоторые современные авторы пытаются изобразить в качестве

стр. 72

---

"философских звёзд" "эпохи религиозного ренессанса": ни Бердяева, ни Булгакова, ни Флоренского, ни других подобных им университетская философия начала XX столетия не рекомендовала для изучения" [Пустарнаков 2003, 225].

О том, как русские философы-профессионалы относились к философствующим публицистам, ярко свидетельствуют воспоминания В. Н. Ивановского: "Я прямо не выносил спиритуалистического религиозного блудословия, которое иногда раздавалось в Психологическом обществе... Я тогда был, к несчастью, ещё недостаточно начитан,

недостаточно "учён", чтобы начать с ними открытую борьбу. Я боялся, что они меня закидают учёностью, ссылками на авторитеты" [Ивановский 2011, 146].

Вот ещё пример. И. А. Боричевский в 1915 г. окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. С 1921 г. он - профессор Петроградского университета. В 1922 г. И. А. Боричевский опубликовал серию статей-рецензий о современной русской религиозно-идеалистической философии. Его оценки этой философии текстуально совпадают с оценками В. Н. Ивановского: "торжественное блудословие под вывеской "философии"" [Боричевский 1922, 1, 8].

Показательно, что на Западе хорошо знали цену как тем, так и другим русским философам. Посмотрим, кого приглашали представлять Россию на Всемирных философских конгрессах, созывавшихся с 1900 г., и кого на этих конгрессах избирали в международные руководящие органы. Здесь нет православных публицистов, пропагандистов "русской идеи". В международном философском сообществе ценились профессионалы, занимавшиеся собственно философскими проблемами, специалисты в области теории познания, логики, методологии науки, истории философии и психологии, теоретической социологии. В конгрессах участвовали Б. В. Чичерин (заочно), Е. В. Де Роберти, Г. И. Челпанов, Н. А. Васильев, А. В. Васильев, В. Н. Ивановский, Б. В. Яковенко. Последние трое избирались от России в Международный комитет конгрессов.

"Русская философия", как она привычно понимается сегодня, - чисто идеологическое понятие. Можно сказать "русская философия", можно сказать "веховство", можно - "православное резонёрство" [Семёнов 2001, 125]. Разницы не будет никакой. Нужно признать, что когда с конца 1980-х гг. так понятая русская философия внедрялась в общественное сознание и в преподавание, а, внедрившись, заполнила собой всё, вытеснив из учебных программ любые иные варианты русской философии, это было идеологической акцией. М. А. Маслин пишет об этом времени: "В последнее десятилетие XX века произошло огромное возрастание интереса к истории русской философии. Это было поистине "замечательным десятилетием", если использовать известные слова П. В. Анненкова о 30 - 40-х гг. XIX в. Новой реальностью стало невозможное ранее преподавание целостного курса по истории русской философии" [Маслин 2002, 131]. Была ли за это "замечательное десятилетие" переиздана не то что книга, но *хотя бы одна статья* М. М. Троицкого, В. Н. Ивановского, Е. А. Боброва, Г. И. Челпанова? Русские философы, относившиеся к профессиональному направлению, к тому, что можно условно назвать "научной философией", были в это "замечательное десятилетие" полностью исключены из процесса "возрождения". Грань проведена была идеологически очень чётко: научная профессиональная философия - это не русская философия. Единственное исключение составил здесь Г. Г. Шпет.

Посмотрите примерные темы дипломных и курсовых работ кафедры истории русской философии философского факультета МГУ. Студентам предъявляется для изучения проверенный "джентльменский набор" из религиозных философов, несколько не сбалансированный "научными" русскими философами. Советская философия отсутствует полностью. При таком искажённом способе видения всей ретроспективы перечень завершается темой: "Философия и психология В. И. Ленина: мессия или злой гений?".

Ныне любят говорить о русском религиозно-философском ренессансе Серебряного века. Подобные формулировки выглядят вдвойне нелепо. Во-первых, неизвестно, что возрождал этот "ренессанс", а во-вторых, уместно ли применять такое понятие к апологетам "нового средневековья"? "Мы же исходим из того, что ни "Серебряного века", ни "религиозно-философского ренессанса" в том возвышенном смысле, который

вкладывается в эти термины, вообще не было в конце XIX - начале XX в. Сейчас, кажется, заканчивается

стр. 73

наблюдавшаяся несколько лет назад эйфория... и наступает пора трезвого и объективного анализа всего спектра философских течений этого периода" [Пустарнаков 2003, 205].

В последнее время голоса "здорового смысла" раздаются всё чаще. Л. А. Микешина, например, призывает "...прежде всего, преодолеть расхожие мнения, и первое из них, что всё значительное в русской философии первых десятилетий XX в. создано только *религиозными* философами. <...> Сегодня уже не вызывает сомнений, что "нерелигиозная" русская философия представлена крупнейшими именами, содержит огромный пласт идей., которые осознаются как предпосылки и основания для дальнейшего развития современной российской философии" [Конференция 2014, 27 - 28].

Считать ли православно-охранительную публицистику славянофилов и Бердяева с Розановым философией, да ещё собственно русской философией - принципиальный вопрос ценностного самоопределения нашего философского сообщества. Пока на него даётся положительный ответ, русская философия не сможет осознать себя *обычной* философией данной страны, занятой, подобно философиям ведущих европейских стран, классическими философскими проблемами.

Как в свете сказанного рассматривать событие, которое предстаёт поворотным со страниц монографий, статей и учебников, а именно "философский пароход" 1922 г.?

Постоянно предпринимаются попытки изобразить дело так, что философов высылали за их приверженность идеализму. Могу ответственно сказать, что в то время антитеза "материализм - идеализм" не занимала умы советских руководителей, по той простой причине, что философии тогда вообще не придавалось никакого значения - ни в сфере науки, ни в сфере высшего образования, ни, в целом, в государстве. В тот период официально признанной в партийно-пропагандистской сфере была точка зрения, что марксизм вообще не содержит в себе никакой философии, что философия преодолена как пережиток прошлого. Этого обстоятельства *не знают*, а потому и не учитывают те, кто в исступлении пишет о "философском пароходе". Критерием отбора для высылки была политическая активность. А. И. Введенский, Э. Л. Радлов, Е. А. Бобров, А. Н. Гиляров, А. Д. Гуляев, В. Н. Ивановский, А. О. Маковельский, М. М. Рубинштейн, П. П. Блонский, Г. И. Челпанов никуда не высылались, продолжали преподавать в вузах, кончины их были отмечены некрологами в научных журналах. Нетрудно увидеть, что все оставшиеся в России философы принадлежали к профессионально-университетской философии.

Власть, руководствуясь собственными интересами, не думая вообще о философии, не собираясь вводить никакой марксистской философии вместо немарксистской, *содрала с русской философии "нарос"*, который с момента её формирования мешал ей развиваться как профессиональному знанию.

Высылка 1922 г. имела исключительно положительные последствия для развития философии внутри России: ее результатом стало (впервые в истории страны) свободное развитие профессиональной философии - теории познания и диалектики, истории философии, философии науки (главным образом, в виде философии естествознания). Вторая половина 1920-х гг. дала *бурный расцвет философии в России*. Исторически

сложилось так, что в этот пиковый период профессиональной философии она развивалась в марксистской форме. Ничего удивительного в этом нет, ведь марксизм всегда был одной из разновидностей научной философии.

Сделанный вывод хорошо иллюстрируется контрастом между возможностями дореволюционной русской философии и успехами советской философии второй половины 1920-х гг.

Институт философии РАН регулярно празднует свои юбилеи. Задумался ли хотя бы кто-нибудь из сотрудников Института и участников торжеств: а *почему Институт философии в России возник именно во второй половине 1920-х гг.*? Отчего же он не появился в "Серебряный век" "религиозно-философского ренессанса"?

Создание Института философии именно в этот период не было ни случайностью, ни чисто административным решением. Оно стало завершением длительной борьбы А. М. Деборина и его последователей за "реабилитацию" философии как самостоятельной науки. В 1921 г. А. М. Деборин организовал философское отделение Института красной

стр. 74

---

профессуры. За три года обучения он вырастил первоклассных специалистов благодаря систематическому освоению первоисточников и самостоятельной научной работе. В результате в кратчайший срок в стране сложилась когорта оригинальных философов, которые отстояли великую науку. Отношение к философии во второй половине 1920-х гг. разительно изменилось по сравнению с послереволюционными годами. Из "пережитка" эксплуататорского прошлого, который надо было "выбросить за борт", философия превратилась в одну из приоритетных наук. Когда были подготовлены кадры, А. М. Деборин принялся за организацию соответствующих научных учреждений. Вначале была создана Философская секция при Комакадемии. Венцом этих усилий стало появление Института философии. В основу структуры Института был положен замысел пятитомной "Философской энциклопедии". Каждая из пяти секций должна была готовить свой том: диалектический материализм, исторический материализм, история философии, современная философия, диалектика естествознания.

Важнейшим направлением работы Института в области онтологии и гносеологии было исследование развития логических форм мысли и системы категорий материалистической диалектики, разработка основных принципов диалектической логики. Разработка теории диалектики велась деборинцами на основе переосмысления всего историко-философского процесса. Ранее к философам Нового времени и к представителям немецкой классической философии подходили несколько иначе: изучали их философские системы. Новаторство А. М. Деборина состояло в том, что он впервые поставил задачу вычленивать из этих философских учений диалектический метод и систематически изложить его развитие от Бэкона до Дидро, от Канта до Гегеля [Деборин 2013]. Приоритетным для решения этих задач считалось изучение диалектики Марксова "Капитала", его внутреннего методологического строения. В Институте была даже создана подсекция по вопросам методологии "Капитала".

В создании Института философии практически соединились два философских течения: дореволюционная профессиональная университетская философия и деборинская школа. Институт философии был сформирован путём объединения Философской секции Комакадемии и Института научной философии МГУ, созданного Г. Г. Шпетом. Шпет

только теперь получил возможность реализовать замысел Института *научной* философии, потому и не уехал из России. В Институте работали представители дореволюционной профессуры (А. В. Кубицкий, В. Н. Ивановский, П. С. Попов), которые потом влились в состав объединённого Института философии. Сам Г. Г. Шпет был отстранён от работы в нём, но его дело не пропало.

Различие между состоянием философской жизни до революции и во второй половине 1920-х гг. особенно наглядно видно в сфере истории философии. Какой могла быть и была историко-философская наука в России до революции? Какие философы прошлого могли быть предметом её изучения? Античные философы (но далеко не все и под специфически христианским углом зрения), некоторые отцы церкви и отдельные, идеологически приемлемые философы Нового времени: Лейбниц и Кант, а также Шопенгауэр. Гегель уже был под сугубым подозрением. Новоевропейская философия в её разнообразии не могла быть допущена к читателю по идеологическим соображениям. В 1868 г. цензура конфисковала и сожгла тираж первого русского перевода "Левиафана" Гоббса. В 1872 г. по постановлению Комитета министров был уничтожен тираж двухтомника романов и философских повестей Дидро. В 1914 г. исследование В. А. Беляева "Спиноза и Лейбниц" было официально осуждено Святейшим Синодом. Автор поставил целью защитить религию и идеализм от пантеизма, но попутно вынужден был излагать воззрения Спинозы, за что... не был утверждён в учёной степени. На русском языке до революции совсем не издавались Бейль, Вико, Гассенди, Пейн, Пристли, Толанд. Имелось по одному случайному изданию Гельвеция и Гольбаха, из Вольтера были переведены только некоторые художественные произведения, из Дидро - его беседы с Екатериной II. Стараниями социал-демократа -эмигранта В. К. Серёжникова на русском языке вышло по одной философской книжке Ламетри и Дидро. Поэтому напрасно иронизирует А. А. Ермичёв над словами из некролога Б. Г. Столпнера, что мечта последнего об издании на русском языке всех основных сочи-

стр. 75

---

нений Гегеля могла осуществиться только после революции [Ермичёв 2012, 184]. Трудно себе представить, например, появление в дореволюционной России гегелевских "Лекций по философии религии".

Должна была произойти революция, чтобы философия Нового времени могла систематически изучаться в России. Заслуга осуществления этого дела принадлежит А. М. Деборину и его школе. Деборин привлёк своих учеников к переводу и изданию первоисточников. Сначала он подготовил при помощи И. К. Луппола "Книгу для чтения по истории философии", которая в качестве хрестоматии заменяла читателю ещё не полностью вышедшие по-русски произведения философов Нового времени. Во второй половине 1920-х гг. в специальных книжных сериях впервые на русском языке вышли философские сочинения Гоббса, Толанда, Ламетри, Дидро, Гельвеция, Гольбаха, Фейербаха. Было начато издание собрания сочинений Гегеля. И. К. Лупполом было осуществлено десяти томное собрание сочинений Дидро. Можно сказать, что во второй половине 1920-х гг. А. М. Деборин и И. К. Луппол при некотором участии В. Ф. Асмуса сформировали современную проблематику историко-философской науки в нашей стране.

Что касается третьей из названных выше сфер исследований, составляющих необходимые компоненты профессиональной философии, а именно философии науки, то ситуация тут вполне очевидна. Но и здесь можно встретить уклончивые оценки. В. А. Бажанов утверждает: "После октябрьского переворота 1917 г. университетская философия

фактически прекратила своё существование. Философия науки в России, так и не успев сформироваться как самостоятельная область исследований, стала возрождаться, по существу, лишь с конца 1960-х-начала 1970-х годов" [Бажанов 2006, 133]. Жаль, конечно, что университетские профессора философии не обратились до революции к вопросам философии естествознания и философии науки. Боюсь, правда, что поступили они так в целях самосохранения, чтоб не испытать конфискации своих печатных произведений и увольнения из университета. Не лучше ли написать ясно: философии науки в дореволюционной России *не было*.

В действительности, философия науки начала развиваться в России после революции, и развивалась очень быстро. В этом процессе первыми приняли участие механисты. И. А. Боричевский в 1922 г. выпустил "Введение в философию науки". Среди механистов были крупные учёные (С. Ю. Семковский, С. Ф. Васильев). Но основные позиции этого течения определяли такие его лидеры, как А. К. Тимирязев, А. И. Варьяш, С. С. Перов и др., которые отвергали не только те или иные философские интерпретации новейших открытий естествознания, но и сами эти открытия, используя при этом идеологические аргументы. Теория относительности расценивалась ими как махизм, квантовая механика как физический идеализм, а генетика как буржуазная лженаука. Решающий вклад в формирование философии естествознания в нашей стране внесли деборинцы. Диалектики, сторонники деборинской школы, не только принимали новейшие достижения естествознания, но и активно занимались их методологическим осмыслением, прежде всего в физике (Б. М. Гессен, М. Л. Ширвиндт) и биологии (И. И. Агол, М. Л. Левин, С. Г. Левит, В. Н. Слепков). Многие из них участвовали в непосредственной научно-исследовательской работе одновременно с философскими занятиями. И. И. Агол, например, участвовал в генетических исследованиях, проводимых в работе лаборатории А. С. Серебровского, стажировался у Г. Дж. Мёллера и одновременно являлся одним из ведущих специалистов секции диалектики естествознания Института философии, автором нескольких книг по философским проблемам биологии. Это был совершенно новый для России феномен, когда философы работают на передовых участках конкретных наук и параллельно подвергают полученные результаты философскому осмыслению. Наиболее ярким событием, свидетельствовавшим о влиянии советской философии науки, стал доклад Б. М. Гессена о социально-экономических корнях механики Ньютона на Международном конгрессе по истории науки в Лондоне в 1931 г. Ныне Б. М. Гессен признан в мире как основоположник социальной истории науки, его книга переводилась в Австралии, Великобритании, Испании, США, на Кубе. В России она не переиздавалась ни разу. Б. М. Гессен не включён ни в Философскую энциклопедию (как старую, так и новую), ни в "Энциклопедию эписте-

стр. 76

---

мологии и философии науки". В России о нём не написано ни одной книги - за рубежом поток публикаций о Гессене только нарастает.

Во второй половине 1920-х гг. профессиональная философия в марксистской форме пережила в России расцвет (такой же, какой переживала в это время генетика). Потенциально это были философы мирового уровня, а ведь никто из них не был старше сорока пяти лет. В 1930 г. эта философия была уничтожена. Её представители были объявлены "меньшевиствующими идеалистами" в продиктованном Сталиным постановлении ЦК и в течение последующих десяти лет ликвидированы. Был полностью репрессирован весь первый состав Института философии. Ленинградское отделение Института пришлось просто закрыть, потому что в его штатах не осталось никого, кроме

доносчиков. По последним подсчётам было репрессировано 280 советских философов-марксистов.

Почему это произошло?

Поставим простой вопрос: можно ли считать "строящей социализм" страну, где коммунистов *за их коммунистические убеждения* сажают в тюрьму и ссылают в Сибирь? Именно это стало происходить в России, начиная с 1927 г.: сначала с троцкистами, потом с зиновьевцами, потом с бухаринцами, потом - с участниками разного рода "право-левацких" блоков. Со второй половины 1920-х гг. начались коренные изменения в социально-экономических, политических и, видимо, также и в социокультурных процессах, происходивших в России. Суть этих изменений понятна: это историческая инерция, которая всегда переводит революцию в реставрацию. При Сталине произошла реставрация военно-феодальной николаевской монархии во всех её основных чертах (всеобщая бюрократизация, сочетание холуйства и хамства как образ поведения в "присутственных местах", страх как государствообразующий принцип, использование церкви в качестве "приводного ремня", использование каторжников для освоения просторов Родины, крепостное право для крестьян, процентная норма для евреев при зачислении в ВУЗ и приёме на работу, идеологическая цензура для учёных и литераторов, шовинистическая антизападная пропаганда, закрытость страны, поиски внутренних врагов среди студентов и евреев).

Марксистская философия не могла не стать первой жертвой поворота от строительства социализма к реставрации военно-крепостнической монархии. Сам этот поворот нельзя было бы осуществить, если бы он был адекватно осмыслен и оценен философами-марксистами. Под угрозой оказалась бы легитимация сталинского самовластья, которую Сталин мог черпать только в событиях революции 1917 г. Совершая контрреволюцию и утверждая новую мифологию вместо научной философии, Сталин уничтожал всех свидетелей и вообще людей, способных критически воспринять происходящее. Поэтому советские философы были превентивно уничтожены *за их марксистские взгляды*. Всё совершилось по историческим меркам столь быстро, да ещё под сенью тех же марксистских лозунгов, что лишь единицы из жертв приблизились к пониманию причин произошедшего.

Сталинский период (1930-е - 1950-е гг.) - это период без философии. Философия есть свободный поиск мыслящего человека, который при этом осознаёт себя личностью и ищет истину, а такие люди были обречены на гибель. Произошла подмена: идеология назвалась философией. После тщательной "зачистки" философского пространства в философы были произведены невежественные и циничные люди, каждый из которых был проверен в деле на степень готовности скормить сталинскому Левиафану более талантливого коллегу-философа. Наши законы ревностно охраняют "честь и достоинство" доносчиков, и все обстоятельства преступлений своры философов-сталинистов выяснить сложно, но в целом ряде случаев можно персонально сказать, на чьих руках чья кровь.

Нельзя сказать, чтобы вклад Митина и компании в историю философии ограничился лишь уничтожением советских философов. Был вклад и содержательный, "теоретический". Русские марксисты начала XX в. поразились бы, какими черносотенными писаниями заполнялись в пиковый период сталинизма журналы с марксистскими названиями. Всё вновь стало на свои места, в том числе и засилье псевдопроблематики в философии. "Нарост" оживился, вновь заявил о себе, подавив ручейки профессионального философствования. *"Философия" торжествующего сталинизма по своей*

---

*ноправная преемница русской охранительной философской публицистики от 1840-х гг. до "Серебряного века ".*

Чудовищный подлог удался настолько, что по отношению к периоду сталинизма все "фракции" "русской духовности" (от сталинистов-зюгановцев до демократов-западников и православных русских националистов) объединяет один вывод: поздний сталинизм и есть истинный социализм. Эта общая оценка распространяется и на марксистскую философию, под которой понимают пропагандистскую "жвачку" из докладов и статей Митина, Юдина, Константинова, Федосеева, Ильичёва и др.

В действительности *марксистская философия* в нашей стране *была*, но недолго - во второй половине 1920-х гг. Она частично возродилась в 1960 - 1970-е гг. в школе Ильенкова. Причём имела место прямая преемственность между деборинцами и ильенковцами. Сам Ильенков неоднократно посещал Деборина и был ответственным редактором посмертно вышедшего тома сочинений Деборина. Развитие возрождающейся марксистской философии шло ровно по тем самым направлениям, которые были проложены деборинцами в 1920-е гг.: разработка диалектики на основе "Капитала", историко-философские исследования, в которых участвовали и недобитые деборинцы, разработка философских проблем естествознания, где был восстановлен деборинский принцип "научная теория не отвечает за её философские интерпретации".

Но философы-марксисты, подобные Ильенкову, уже не могли доминировать в советской философии 1960-х - 1980-х гг., как то было во второй половине 1920-х гг. при Деборине, и выслушивали от ревнителей "идеологической чистоты" обвинения в "гегельянщине" и "идеализме". "Поумневшие" последователи западных философских мод также высокомерно принимали жертвенную готовность марксистов искать истину за ограниченность и фанатизм. Возрождение марксистской философии не сумело набрать силу инерции на взлете и к 1980-м гг. сошло на нет.

Ильенковская школа была лишь частью более сложного и многопланового процесса развития философии в послесталинские десятилетия. Важно подчеркнуть, что это движение было многоструйным. Наряду с официозной идеологической схоластикой, выдававшей себя за марксистскую философию, возникли различные течения мысли, которые имели неодинаковые истоки. Многие из них развивали те или иные идеи западной философии и методологии науки, как, например, системное движение. Имели место прямые западные влияния. Поскольку философия не стоит на месте, этих влияний было много, и кто-то искал истоки в русской религиозной философии. Щедровицкий, Зиновьев, Мамардашвили в качестве лидеров обозначали собой те или иные оригинальные течения мысли. Пути идеологии ослабли, и развитие пошло по самым разным направлениям очень мощное. Но, *по существу*, эти течения не были составной частью марксистской философии, как, по совершенно другим причинам, не была ею и официальная философия, представленная академическим ареопагом из палачей и доносчиков вроде Митина, Юдина, Константинова, Каммари, Чагина, Александрова, Федосеева и прочих персонажей. Считать всех советских философов 1950-х - 1980-х гг. марксистами - неоправданная аберрация восприятия.

Однако, за вычетом этой официальной философии, весь философский процесс 1960-х - 1980-х гг. мы рассматриваем как отчасти восстановление, отчасти возникновение профессиональной философии в России, включавшее все её необходимые компоненты. Современная русская философия - результат этого процесса. Все яркие философы, которые работают сегодня, выросли как учёные в эти годы, а начало их философского развития относится к середине 1950-х гг.

Расстрелянные в период сталинизма советские философы-марксисты были преданы забвению. Сначала Митин и компания сделали всё, чтобы как можно глубже были закопаны не только останки убитых, но и память о них. В постсталинский период, после длительного замалчивания, когда из исторического далека стали неразличимы ни имена, ни идеи, ни работы жертв, победа философов-мародёров была закреплена в словарях, энциклопедиях, диссертациях. В 1955 г. были защищены сразу три диссертации, "научно" закреплявшие разоблачение А. М. Деборина и его школы советской философии марксизма.

стр. 78

---

В период оттепели несколько имён советских марксистов попало на страницы "Философской энциклопедии". Деборину вновь разрешили публиковать свои работы. Но сказать правду *о гибели марксистской философии в нашей стране* тогда было нельзя, потому что на крови погибших философов сделали себе карьеры десятки людей. Оценивая ситуацию, какой она была после XX съезда КПСС, Ю. Н. Давыдов писал, что мы "оказались в двусмысленном положении "Иванов, не помнящих родства". Поэтому нередко появлялись историко-философские сочинения, в которых упоминания о других советских исследованиях по данному вопросу носили исключительно "проработочный" характер. А порой авторы новых историко-философских исследований представляли дело так, будто до них марксистская мысль вообще ничего не дала по рассматриваемому ими вопросу, хотя основанием для подобных утверждений оказывалось, как правило, простое незнание с соответствующей литературой" [Давыдов 1963, 263].

Изменилась ли ситуация в период перестройки? Она стала ещё хуже. Расстрелянные советские философы-марксисты второй половины 1920-х гг. оказались *в патовом пространстве*. Приговорившие их к забвению сталинисты ушли в прошлое. Лидерами философской мысли стали другие люди с другой идеологией. Новые авторы тоже негативно оценивали философов 1920-х гг., но теперь *потому, что те были советскими и марксистскими*. Во второй половине 1980-х и в 1990-е гг. основные оценки философов 1920-х гг. прозвучали в публикациях А. П. Огурцова и В. П. Филатова [Огурцов 1989; Филатов 1990]. На вооружение была взята формула из заглавия книги И. И. Яхота "Подавление философии в СССР". Честная книга Яхота была первым словом правды о трагедии советской философии. Конечно, с позиций сегодняшнего дня она устарела, поскольку автор опирался только на литературные источники. Он не мог по объективным причинам привлечь архивы. Поэтому в книге есть отдельные неточности. Автор, скажем, смешивает Гониммана с Гейликманом. Но в целом книга Яхота навсегда останется введением в тему, с которым должен ознакомиться каждый заинтересованный читатель. Те же философы, которые попытались превратить "подавление философии" в некое теоретическое понятие, оказались перед неразрешимым противоречием. Они, с одной стороны, отрицали значимость философии, развившейся в России после высылки 1922 г., говорили о её низком теоретическом уровне, а с другой - констатировали огромные усилия, потраченные государством на её подавление именно в качестве философии.

В результате картина истории советской философии второй половины 1920-х гг. стала ещё более далёкой от истины. В статьях А. П. Огурцова и В. П. Филатова выдвигалось три взаимосвязанных тезиса: 1) о механистах, 2) о диалектиках, 3) о характере дискуссии между теми и другими.

Механисты хотя и подверглись авторами определённой критике, но в целом оценивались позитивно, поскольку будто бы противостояли попыткам идеологического вмешательства деборинцев в науку, попыткам навязывать учёным "гальванизированную" гегелевскую диалектику, боролись за автономию науки от диктата философской идеологии.

Диалектики обвинялись в том, что они якобы пытались уложить естествознание XX в. в "прокрустово ложе" давно устаревшей гегелевской натурфилософии, занимались шельмованием многих советских учёных и целых научных направлений [Огурцов 1989, 359], что они "слабо разбирались в естественнонаучном материале, а их методы борьбы были в основном цитатными" [Филатов 1990, 51].

О дискуссии между диалектиками и механистами говорилось, что уровень её весьма невысок, что их спор не имел отношения к реальным философским проблемам и потому не представляет интереса сегодня [Огурцов 1989, 360 - 361].

Нарисованная авторами картина полностью не соответствует историческим фактам. Если быть точными, то механисты по-позитивистски вовсе отрицали самостоятельное значение философии (результатов естествознания достаточно для построения некоторой общей теории мироздания), не осознавая того, что именно философский подход позволяет адекватно оценить значимость и смысл научных теорий.

Далее: суть борьбы диалектиков и механистов заключалась в противостоянии по линии признания или отвержения новейших направлений науки - теории относительности,

стр. 79

---

квантовой механики и хромосомной теории наследственности. Так вот, механисты *отвергали* эти направления, тогда как деборинцы *защищали* их. Один из лидеров механистов С. С. Перов, который при президенте Лысенко станет академиком ВАСХНИЛ, заявлял, что линия классовой борьбы разделяет биологию на две школы: генетику и ламаркизм. Его возмущало то, что "все последователи деборинской школы чрезвычайно покровительствуют генетике и ведут борьбу против учений о передаче по наследству приобретённых признаков" [Современные проблемы 1929, 84]. В таком же духе высказывались А. К. Тимирязев, А. И. Варьяш и другие механисты. Возражая С. С. Перову и А. К. Тимирязеву, И. И. Агол говорил: "Против самых блестящих достижений нашего века вы ведёте отчаянную борьбу, как, например, против теории относительности, против генетики" [Современные проблемы 1929, 87].

Какие же фундаментальные философские проблемы естествознания были в основе дискуссии диалектиков и механистов? Проблема сводимости и качественной специфичности, в частности, проблема сводимости биологических форм к физико-химическим, проблема соотношения динамических и статистических закономерностей, законов вероятности в природе и обществе, объективного характера случайности, проблема взаимосвязи внешнего и внутреннего в биологическом детерминизме, проблема влияния среды на наследственность.

Механисты постулировали сводимость жизни к физическим и химическим процессам. Деборинцев, настаивавших на качественной несводимости живого, они обвиняли в витализме. В этой позиции соблазнительно усмотреть раннюю формулировку идеи о необходимости физико-химического изучения живого, которая доминирует во всей современной биологии, начиная с середины XX в. К сожалению, попытки такой интерпретации учения механистов лишены оснований. Механисты имели в виду нечто иное: принципиальную сводимость любых сложных форм к некой первоматерии, "первооснове всех форм материи" [Скворцов-Степанов 1925, 59], и не понимали главного, того, что качественная специфика высших форм обусловлена особыми, более сложными типами связей. Именно на этом пути диалектики предлагали решать проблему специфики живого и, в целом, проблему генезиса высших форм.

Механисты отвергали объективный характер случайности, без статистической интерпретации которой невозможно объяснить ни диалектику волны и частицы в квантовой механике, ни то, как в биологии эволюционная необходимость пролагает себе дорогу на основе случайностей. Они продолжали определять случайность как то, что ещё не познано. Диалектики впервые в истории нашей философии разработали проблему соотношения динамических и статистических закономерностей и показали, как работают статистические закономерности в квантовой физике и в генетике.

Механисты были прямыми предшественниками, духовными отцами лысенковцев и в плане отрицания новейших научных результатов генетики, и в отношении идеологического осуждения своих коллег, переходящего в политический донос. Именно механисты, будучи естественниками, слабо разбирались в новейшем естественнонаучном материале и использовали цитатные методы борьбы с целью политически подавить своих противников. В борьбе с диалектиками они возвели наследование благоприобретённых признаков в ранг идеологического догмата и использовали его как орудие против тех, кого они обвиняли в "отходе" от марксизма. "Естественники деборинской школы, - провозглашал А. К. Тимирязев, - отрицают передачу приобретённых признаков и тем самым ревизуют Энгельса. Это ревизия исторического материализма" [Современные проблемы 1929, 56]. Ему злой шуткой ответил И. И. Агол: "Для того, чтобы судить о той или иной биологической позиции, надо знать современную биологию. Эти знания, к сожалению, по наследству не передаются" [Там же, 88].

Философы деборинской школы не занимались натурфилософскими спекуляциями, не навязывали науке априорных схем. Они шли вместе с наукой и помогали решать возникающие проблемы с помощью диалектического метода. Разработка деборинцами материалистической диалектики как метода велась с глубоким пониманием как специфики философского знания, так и самостоятельности частных наук.

стр. 80

---

Верхом искажённого изложения событий прошлого стала совместная статья А. П. Огурцова и В. П. Филатова в малом энциклопедическом словаре "Русская философия". На страницах энциклопедического издания, вышедшего в издательстве "Наука", была закреплена превратная и идеологически мотивированная интерпретация событий 1920-х гг.

О самих деборинцах в статье было сказано: "Пафос мнимонаучного и мнимофилософского разоблачительства и доносительства всё более утверждался в деятельности этой школы. Он основывался на передержках, сознательном искажении

текстов, на приписывании своим оппонентам того, чего они никогда не писали" [Огурцов, Филатов 1995, 414]. Мученики, ставшие жертвами доносов и лишённые даже могилы, объявлены здесь доносчиками и клеветниками.

О характере отношения деборинцев к науке и учёным было заявлено: "Некомпетентное вмешательство этих философов в научные области привело к разрушению последних связей между учёными и философами, пришло в резкое столкновение со свободным духом научных исканий и представляло собой громадную опасность и для науки, и для философии" [Там же]. Это сказано о философях, которые и в философских работах, и в практической деятельности до конца, то есть до ареста и расстрела, защищали физическую и биологическую науки от некомпетентного вмешательства сначала механистов, а потом сталинистов, которые впервые сформулировали принцип, в соответствии с которым научная теория "не может нести ответственности за те метафизические толкования, которые угодно делать по поводу неё досужим философам и философствующим естествоиспытателям" [Гессен 1928, 175]. Принцип этот полностью противоречил теории и практике сталинизма. За следование ему деборинцы поплатились жизнями. Понадобилось сорок два года, чтобы его в нашей философии повторно сформулировали И. Т. Фролов и А. Я. Ильин: "нельзя смешивать научные теории с их философскими интерпретациями, научные теории не несут ответственности за сделанные из них философские выводы" [Фролов, Ильин 1970, 88].

О деятельности школы деборинцев в статье А. П. Огурцова и В. П. Филатова говорилось: "Деятельность этой школы с её программой "диалектизации" естествознания привела к подавлению философских исканий естественников, задержала на несколько десятилетий развитие не только философско-методологического сознания учёных, но и целых отраслей естествознания: биогеохимии, генетики и др." [Огурцов, Филатов 1995, 414]. Это сказано о философской школе, в состав которой входили выдающиеся философы-генетики И. И. Агол и В. Н. Слепков (которые под руководством А. С. Серебровского участвовали в первых в нашей стране опытах по искусственному мутагенезу у дрозофилы путём рентгеновского облучения), основоположник отечественной медицинской генетики С. Г. Левит, биологи М. Л. Левин, Я. М. Урановский. Именно их гибель во многом затормозила развитие генетики в нашей стране.

После такого приговора, напоминавшего сталинское Постановление ЦК 1931 г. и установочные доклады Митина, советская философия второй половины 1920-х гг. осталась "запретной зоной". Последствия длительной искусственной амнезии не замедлили сказаться на самочувствии нашего философского сообщества.

Мне неоднократно приходилось убеждаться в следующей печальной истине. Наши первоклассные специалисты-философы, лидеры в своих областях, учёные с мировым именем прекрасно знают зарубежную литературу по своей тематике, но даже не слышали имён своих предшественников, занимавшихся теми же сюжетами 50 - 70 лет назад в том же самом здании Института философии, быть может, в тех же самых кабинетах. Что это? Свидетельство недостатка профессионализма? Никоем образом. Это лишь констатация того, что история философии в послереволюционной России всё ещё "terra incognita" для отечественного философского сообщества.

В результате в нашей философской литературе возникают курьёзные ситуации.

А. А. Ермичёв журит составителей библиографического указателя к журналу "Под знаменем марксизма", что они "не догадались" расшифровать фамилию Г. Дмитриев как

"прозрачный" псевдоним Георгия Димитрова [Ермичёв 2012, 186]. К сожалению, степень "знакомства с предметным указателем" не раскрыла автору рецензии, что Г. Дмитриев

стр. 81

вовсе не псевдоним, а фамилия сотрудника Института философии Г. Ф. Дмитриева, расстрелянного в 1936 г.

В. А. Бажанов в энциклопедической статье записывает одного из крупнейших механистов С. Ю. Семковского в диалектики, а А. А. Максимова, длительное время бывшего в рядах диалектиков, - в механисты. Кроме того, он почему-то считает, что в 1929 - 1930 гг. с подачи диалектиков многие механисты были репрессированы [Бажанов 2009, 186 - 187]. Фактов он не приводит, что не удивительно. Таких фактов просто не было.

Аналогично обстоит дело и с философской периодикой 1920 - 1930-х гг. *Понаслышке* знают лишь "Под знаменем марксизма". А ведь философские статьи и рецензии на философскую литературу печатались в те годы более чем в двух десятках журналов: "Вестник Коммунистической академии", "Архив Маркса и Энгельса", "Проблемы марксизма", "Летописи марксизма", "Воинствующий материалист", "Естествознание и марксизм", "Революция и культура", "Атеист", "Антирелигиозник", "Спутник коммуниста", "Научное слово", "Вестник знания", "Человек и природа", "Фронт науки и техники", "Архив истории науки и техники", "Книга и революция", "Печать и революция", "Книга и пролетарская революция", "За большевистскую книгу", "Общественно-политическая литература", "Записки научного общества марксистов", "Народный университет на дому", "Литературная учёба", "Красная новь", "Молодая гвардия", "Бюллетень заочно-консультационного отделения Института красной профессуры", "Социалистическая реконструкция и наука" и др. Кто из современных философов знает об их существовании, брал их в руки?

Возьмите "Новую философскую энциклопедию". Философия, развивавшаяся на Волхонке, 14 в 1920 - 1930-е гг. там вообще не представлена, за исключением бледной статьи о Деборине. Фамилии советских философов 1920-х гг. ничего не говорят ни философам вообще, ни специалистам по истории русской философии. Назову навскидку несколько фамилий: Айзенберг, Болотников, С. Ф. Васильев, Вороницын, Гарбер, Гоникман, Гребенев, Жаков, Каценбоген, И. Я. Колубовский, Кривцов, Куразов, Лепинь, Летунов, С. Ф. Лившиц, Лукачевский, Э. Г. Лурье, Максимовский, А. П. Маркузе, Пиков, Пипер, Подволоцкий, Пригожин, Я. С. Розанов, Роцен, Рубановский, Сапир, Спокойный, Столярков, Танхилевич, Тележников, Топорков, Ульрих, Урановский, Фингерт, Франкфурт, Цейтлин, Ческис, Шейн, Ширвиндт и др. Работы этих философов не менее интересны, чем работы их коллег, которым посчастливилось хотя бы попасть на страницы словаря П. В. Алексеева: Агола, Баммеля, Боричевского, Вайнштейна, Б. М. Гессена, Горнштейн, Карева, Левина, Луппола, Семковского, Серёжникова, Слепкова, Стэна, Тымьянского, Юринца. Если рассказать заинтересованному слушателю о работах кого-нибудь из них, не называя фамилии, собеседник сначала удивится результатам этих работ, а затем - неизвестной фамилии.

Сейчас история философии России напоминает старинную карту мира с её многочисленными белыми пятнами и контурами, в той или иной степени приближёнными к действительным. А нанести на эту карту реальные очертания некому. Студентов-философов не учат ни источниковедению, ни историографии, ни приёмам библиографического поиска, ни работе в архивах. Вопрос об источниковедении и

историографии философии не ставится. Единственный, кто тщетно говорил о необходимости подобных изменений в подготовке философов - покойный А. Д. Косичев [Косичев 2001, 45 - 56].

Боюсь, однако, что само по себе повышение профессионализма исследователей ситуации не изменит. Мифы в истории русской философии - это идеологические постулаты, консолидировавшие наше философское сообщество в период "крушения коммунизма". От них просто так никто не откажется. Идеологическое мышление будет превалировать над любыми научными аргументами. Посмотрите, например, высказывания С. С. Хоружего. Он утверждает, что сегодня набирает силу "новая Генеральная Линия на восхваление СССР", что её сторонники в раже "политтехнологического цинизма" "...произвольно смещают, искажают роль и место разных факторов и слагаемых...", чтобы прикрыть то обстоятельство, что "...советская философия первой половины XX в. - это становление тоталитарной догмы..." и что она находится в "...коренном разрыве не только с философией Серебряного века, но и с любой формацией свободной мысли..." [Конференция 2014, 37]. Перед нами яркий пример чисто идеологического мышления, которое прямо

стр. 82

---

диктует запрет на изучение истории советской философии. Именно так высказывания С. С. Хоружего уже расценивались ранее: "Естественно, что с этой точки зрения советский период однозначно выступает как некий философский вакуум, не подлежащий никакому изучению: чего нет, о том и говорить нечего" [Философия в СССР 1997, 5].

Вот ещё один пример возведения нигилистического отношения к советской философии в некий теоретический принцип. С. М. Половинкин приводит негативные высказывания деборинцев в адрес русских религиозных философов (как будто могли быть другие) и делает вывод, что их (деборинцев) философия, лишённая какого бы то ни было содержания, "в условиях строительства социализма" стала "людоедством". Уничтожение деборинцев воспринимается им как справедливая божья кара для "людоедов" [Половинкин 2012, 129].

Последним форумом, на котором обсуждались перспективы изучения русской философии, стал "круглый стол" журнала "Вопросы философии", посвященный серии книг "Философия России первой половины XX века". Саму серию справедливее было бы назвать "Русская дореволюционная и эмигрантская философия". Судя по составу вышедших томов и планам редколлегии, организаторы серии исключили из "первой половины XX века" четыре десятилетия: 1920-е, 1930-е, 1940-е и 1950-е гг. После этого у них естественно возник вопрос: какая связь существует между русской дореволюционной и советской философией? Этот вопрос был задан приглашенным специалистам по дореволюционной и эмигрантской философии - с тем же успехом можно было спросить специалистов, скажем, по буддизму. Единственным из приглашенных, кто занимался историей советской философии, был В. А. Бажанов. Но и он не преодолел чисто идеологической тональности всего обсуждения, в жертву которой были принесены исторические факты. В числе важнейших особенностей русской дореволюционной философии, способствовавших её развитию как "целостного феномена", он назвал то, что "...едва ли не все русские философы отправлялись в Западную Европу... на стажировки, оперативно переводились и издавались зарубежные труды, в университетские и личные библиотеки поступали иностранные книги и журналы", а русские философы делали

доклады на Всемирных философских конгрессах. "Однако в самом начале 1920-х гг. ситуация резко поменялась" [Конференция 2014, 24].

Прежде чем утверждать подобное, надо сначала изучить вопрос о международных связях нашей философии. При Деборине стажировку за границей прошли все успешные выпускники философского отделения ИКП, сотрудники Института философии регулярно выезжали в научные командировки за рубеж. Библиотека Института получала основные философские журналы и первоисточники на английском, французском и немецком языках. Ведущие сотрудники Института выписывали для работы иностранную литературу [Архив РАН, 233]. В 1927 г. Юбилейным комитетом по чествованию 250-летия со дня смерти Спинозы (Гаага) А. М. Деборину единственному из русских философов было предложено написать статью для пятого, юбилейного тома "Chronicon Spinozianum". Важным событием VII Всемирного философского конгресса в Оксфорде в 1930 г. стало выступление в качестве приглашённого докладчика И. К. Луппола [Корсаков 2008, 138 - 158]. Если бы не сопротивление всего аппарата ЦК и группы Митина, Россию на Оксфордском конгрессе представлял бы не только И. К. Луппол, но с десяток философов во главе с А. М. Дебориным.

Пока у нас господствует "интегральная" история русской философии, для советской философии, в целом, и для философии второй половины 1920-х гг., в частности, адекватного места в этой истории не будет. Советская философия будет наталкиваться на высокомерное отношение тех, кто не способен отличить Митина от Деборина.

Сталинисты-циники уничтожили диалектиков за их марксистские убеждения, а ныне марксистские убеждения стали препятствием для того, чтобы изучать деборинцев. "Возрождение исторической правды" на марксистов не распространяется. Именно поэтому философия была до недавнего времени единственной сферой культуры, где за почти тридцать лет, прошедших с начала перестройки, даже не попытались восстановить память о репрессированных коллегах - в отличие от репрессированных учёных, писателей, актёров и др.

стр. 83

---

Вопрос о предмете русской философии сегодня - это вопрос о том, какой смысл мы вкладываем в понятие философия, что вообще считать философией. В России за последние двести лет с этим так и не определились. Пока что имеет место инверсия самого понятия философия, которая санкционирована историками русской философии.

Все оценки и выводы, которые предложены вниманию читателя в настоящей статье, являются результатом многих лет изучения первоисточников, архивных документов и напряжённых раздумий. И я не вижу иного способа улучшить положение в этой области философского знания, чем недвусмысленно признать, что исходные принципы восприятия истории философии в России составляют совокупность некритически принятых допущений.

## ЛИТЕРАТУРА

Артемьева 1999 - *Артемьева Т. В.* Философия в Петербургской Академии наук XVIII века. СПб., 1999.

Архив РАН - Архив РАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 217.

- Асмус 1969 - *Асмус В. Ф.* Избранные философские труды. В 2 т. М., 1969. Т. 1.
- Бажанов 2006 - *Бажанов В. А.* Рождение философии науки в России // Вопросы философии. 2006. N 1.
- Бажанов 2009 - *Бажанов В. А.* Диалектики и механисты // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009.
- Боричевский 1922 - *Боричевский И. А.* Российская метафизика в походе против науки (Несколько данных из области социальной психопатологии в связи с журналом "Мысль") // Книга и революция. 1922. N 6.
- Гессен 1928 - *Гессен Б. М.* Основные идеи теории относительности. М.; Л., 1928.
- Гоббс 1991 - *Гоббс Т.* Сочинения. В 2 т. М., 1991. Т. 2.
- Громов 2012 - *Громов М. Н.* Генезис русской философской мысли // Философские науки. 2012. N 9.
- Громов 2013 - *Громов М. Н.* Философ - значит просветитель // Московский журнал. 2013. Приложение: Славный подвиг первоучителей.
- Гусейнов 2008 - *Гусейнов А. А.* Зачем современному человеку философия? // Российская газета. 2008. 16 января.
- Давыдов 1963 - *Давыдов Ю. Н.* Из истории советской историко-философской науки // История зарубежной домарксистской философии. М., 1963.
- Деборин 2013 - *Деборин А. М.* Диалектика в немецкой классической философии / Составитель Корсаков С. Н. М., 2013.
- Ермичёв 2012 - *Ермичёв А. А.* Рец. на кн.: Журнал "Под знаменем марксизма": Указатель содержания. Екатеринбург, 2011 // Вопросы философии. 2012. N 7.
- Ивановский 2011 - *Ивановский В. Н.* Воспоминания / Публикация Корсакова С. Н. // Философские науки. 2011. N 1.
- Киселёва 2011 - *Киселёва М. С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII - начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учёности. М., 2011.
- Конференция 2014 - Конференция - "круглый стол" "Философия России первой половины XX века" // Вопросы философии. 2014. N 7.
- Корсаков 2008 - *Корсаков С. Н.* VII Всемирный философский конгресс (Оксфорд, 1930 г.) в истории отечественной философии // Философские науки. 2008. N 3.
- Косичев 2001 - *Косичев А. Д.* Пробел в подготовке философов // Высшее образование в России. 2001. N 5.
- Маслин 2002 - *Маслин М. А.* Живое единство и многообразие русской философии // Философский факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: Очерки истории. М., 2002.

Огурцов 1989 - *Огурцов А. П.* Подавление философии // Суровая драма народа. М., 1989.

Огурцов, Филатов 1995 - *Огурцов А. П., Филатов В. П.* Подавление философии в СССР // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М., 1995.

Половинкин 2012 - *Половинкин С. М.* Возвращение "Философского парохода" // Философские науки. 2012. N 12.

Пустарнаков 1987 - *Пустарнаков В. Ф.* Философские идеи в религиозной форме общественного сознания Киевской Руси // Введение христианства на Руси. М., 1987.

стр. 84

---

Пустарнаков 2003 - *Пустарнаков В. Ф.* Университетская философия в России: идеи, персоналии, основные центры. СПб., 2003.

РГАЛИ - Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 1. Д. 92.

Семёнов 2001 - *Семёнов Ю. И.* О русской религиозной философии конца XIX - начала XX века // Коммунист. 2001. N 6.

Скворцов-Степанов 1925 - *Скворцов-Степанов И. И.* Энгельс и механическое понимание природы // Под знаменем марксизма. 1925. N 8 - 9.

Современные проблемы 1929 - Современные проблемы философии марксизма. Вып. 1. М., 1929.

Филатов 1990 - *Филатов В. П.* Об истоках лысенковщины (Точка зрения философа) // Квинтэссенция: Философский альманах. 1990. М., 1990.

Философия в СССР 1997 - Философия в СССР: версии и реалии (материалы дискуссии) // Вопросы философии. 1997. N 11.

Фролов, Ильин 1970 - *Фролов И. Т., Ильин А. Я.* Ленинские принципы философского исследования научного познания // Вопросы философии. 1970. N 4.

стр. 85

---